

ВВЕДЕНИЕ. ОТ АВТОРА

Данный песенник предлагает читателю, интересующемуся немецкой культурой, ретроспективный взгляд на песенное творчество немецких колонистов в России. Теме немецкого населения в России посвящено на сегодняшний день уже много работ, изданных в России, Германии, США, Венгрии и других странах и касающихся различных аспектов жизни немцев за пределами Германии. С библиографиями данных исследований можно ознакомиться в ряде публикаций. Наиболее полно работы по истории немецких поселенцев в России представлены в двухтомном издании под редакцией Д. Брандеса и библиографическом справочнике Т. Н. Черновой¹.

Возрождению интереса к теме немецкого населения в нашей стране способствовали перемены, произошедшие на политической арене в конце 1980-х годов. Тогда же был открыт доступ к закрытым ранее материалам российских библиотек и архивов и были сняты ограничения на обнародование закрытой ранее информации. На первом этапе работа была связана с систематизацией и публикацией источников, начали проводиться конференции и семинары, создаваться центры

¹ Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 1: Von 1764 bis 1917 / Hrsg. Brandes D., Busch M., Pavlovič K. Oldenburg, München, 1994 (Schriften des Bundesinstituts für Ostdeutsche Kultur und Geschichte. Bd. 4.); Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Bd. 2: Von 1917 bis 1998 / Hrsg. Brandes D., Dönninghaus V. Oldenburg, München, 2000 (Schriften des Bundesinstituts für Ostdeutsche Kultur und Geschichte. Bd. 13). Чернова Т.Н. Российские немцы: Отечественная библиография: 1991–2000 гг. М., 2001. См. также: Schiller F. Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764–1926. Pokrowsk a/W, 1928; Long J. W. The German Russians: A Bibliography of the Russian Materials. Santa Barbara, Cal., Oxford, 1979; Stumpp K. Das Schrifttum über das Deutschtum in Russland. Tübingen, 1980 и др.

самоорганизации российских немцев. С исторической точки зрения стали возможными изучение, анализ и обсуждение наиболее сложных тем, связанных с трагическими страницами истории немецкого народа в России, таких, как гонения на немцев в конце XIX века, немецкие погромы, ущемление прав немецкого крестьянства, лишение собственности, репрессии 1930-х годов, массовые депортации, спецпоселения и трудармия в 1940–1950-х годах, запрет на выезд и др. Литературоведов и фольклористов интересуют произведения народного творчества колонистов. Наследие, привезенное из мест изначального проживания в германских землях, с одной стороны, отчасти сохранилось в редкой форме, которая уже не встречается в Германии, с другой — возникли новые жанры, а также произведения, записанные с использованием языков окружения поселенцев. Новые народные песни отражают процессы исторического, социального и культурного развития, которые происходили с немецкими поселенцами на протяжении столетий.

Изучение любых вопросов, связанных с культурой немецких колонистов в России, возможно лишь с опорой на понимание своеобразия исторического развития немецких поселений на территории Российского государства. Это касается и песенного творчества, в котором отразились многие особенности этой этнической группы, претерпевшей на протяжении в целом недолгого для этноса периода слишком большое количество глобальных изменений, касающихся жизненного уклада, языка, культуры, восприятия себя в окружающем мире. Оседлый народ, крестьяне, для кого земля — наивысшая ценность, которую нельзя сжечь или украсть, вырывается из этой земли с корнем, лишается своего дома, вынужден мигрировать и приспосабливать свою культуру и традиции к окружающей действительности. Как вспоминает А. И. Солженицын, «они отдались новой ссыльной земле как своей окончательной». Эта способность «отдаваться земле» и не падать духом, а, начиная все заново, устраиваться «не до первой амнистии <...> а — навсегда»² явилась отличительной и спасительной чертой немецкого населения, пронесшего свою культуру через все превратности судьбы.

² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956. Опыт художественного исследования. V–VII. Екатеринбург, 2006. С. 358.

Устное народное творчество является квинтэссенцией жизненной мудрости, опыта, накопленного веками, самосознания и восприятия окружающего мира любого народа. Поэтому сейчас, когда одной из важных задач, стоящих перед российскими немцами, является возрождение своей национальной идентичности, очень важно обращение к истокам, корням и традициям, в том числе к народным песням, бытовавшим на протяжении нескольких столетий в среде немецких колонистов в России. Большинство представленных в данном сборнике песен хранится в архивах Санкт-Петербурга, это песни, собранные в 20-е годы прошлого века известным ученым — лингвистом, литературоведом, фольклористом — Виктором Максимовичем Жирмунским в немецких поселениях России. При выборе песен учитывались следующие факторы: наличие текста и нот в коллекции В. М. Жирмунского, наличие аудиозаписи, популярность песни, включенность или возможность включить данную песню в репертуар ансамбля немецкой народной песни «Лорелея» под руководством Натальи Петровны Уральской (Краубнер), в исполнении которого представлены все песни на прилагаемом к данному изданию диске. Ансамбль ведет активную концертную деятельность, выступая в различных городах России, является лауреатом международных конкурсов и обладателем целого ряда наград. Основное направление деятельности ансамбля «Лорелея» — популяризация песен российских немцев на немецком и русском языках, отличительной чертой при этом является исполнение песен одновременно на двух языках. Все песни и фрагменты песен на русском языке исполняются в переводах Н. П. Краубнер, многие из которых представлены в данном сборнике.

Из различных возможных вариантов песен коллекции В. М. Жирмунского выбраны те, где есть запись текста и нот от одного исполнителя. В некоторых случаях (в основном, когда ноты и тексты в коллекции записаны от разных исполнителей и из разных колоний) выбраны песни в тех версиях, в которых их традиционно исполняет ансамбль немецкой народной песни «Лорелея». Некоторые из перечисленных факторов совпадали полностью, некоторые — лишь частично. Кроме того, представлялось необходимым проанализировать материал из разных колоний, относившихся в начале XX века к Санкт-Петербургской губернии — Ленинградской области. Песни, которые пели немецкие колонисты, отличались большим разнообразием жанров. Это старинные и новые баллады,

шванки и шуточные песни, прощальные, духовные, обрядовые, солдатские и военные, застольные и прочие песни. Некоторые из этих жанров также нашли отражение в данном небольшом издании. Помимо этого, в сборник вошли несколько песен, не включенных в коллекцию Жирмунского, но популярных в среде колонистов и являющихся показательными для передачи мировосприятия немецких поселенцев в России. Таким образом, получилась довольно разнообразная палитра песен, охватывающих различные жанры народного песенного творчества, представленного в большинстве немецких колоний исследуемого региона.

В сборнике публикуются ноты и тексты песен, дается культурологический комментарий, сопровождаемый иллюстрациями. В оглавлении приводятся первые строки песен в наиболее популярных вариантах. В конце издания приводятся два приложения, призванные снабдить читателей более полной информацией о составе дел архива В. М. Жирмунского в СПФ АРАН. Это перечень избранных дел архива, касающихся вопросов немецкой народной песни и фольклора в целом, и именной указатель исполнителей песен, записанных под Санкт-Петербургом (информация представлена в алфавитном порядке и распределена по колониям). При работе над песенником была помимо прочих материалов использована подробная опись дела № 341, составленная Ульрикой Бишоф (Университет Галле-Виттенберг, Галле, Германия) под руководством автора и по поручению А.А. Немковой в ходе прохождения практики в Русско-немецком центре встреч при Петрикирхе в Санкт-Петербурге (РНЦВ). Опись включает полную информацию о составе указанного дела – номера страниц и их оборотов, названия песен, количество строф, колонию, имя исполнителя или указание на источник текста (как правило, песенник), год записи, имя собирателя и его комментарий (если такой присутствует), а также комментарий составителя описи.

Издание сборника стало возможным исключительно благодаря инициативе и неустанным усилиям директора РНЦВ Арины Александровны Немковой и помощи активных, целеустремленных и влюбленных в свое дело коллег и друзей, стремящихся сохранить и возродить культуру немецкого населения на территории России.

Особая благодарность всем членам редколлегии сборника – Арине Александровне Немковой, Ирине Васильевне Черказьяновой, Наталье

Петровне Краубнер, Ирине Пятровне Бияговой — и его рецензенту Вере Брониславовне Меркурьевой за ценные рекомендации и комментарии.

Живую теплую ноту в восприятие текста внес ансамбль «Лоре-лея», который выразил желание и смог за сравнительно короткие сроки дополнить свой репертуар новыми песнями, а также расширить его за счет исполнения новых вариантов и мелодий песен, уже включенных в репертуар. Большое спасибо всем его участникам.

«ЛОРЕЛЕЯ», АНСАМБЛЬ НЕМЕЦКОЙ ПЕСНИ РУССКО-НЕМЕЦКОГО ЦЕНТРА ВСТРЕЧ ПРИ ПЕТРИКИРХЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Ансамбль «Лорелея» создан в 2003 году при Фонде поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга». Инициатором создания ансамбля и его бессменным руководителем является Наталья Петровна Уральская (Краубнер; это творческий псевдоним Н. П. по фамилии ее матери, семья которой происходит из Стрельнинской немецкой колонии под Санкт-Петербургом).

Первое выступление ансамбля произошло в мае 2003 года, в год 300-летия Санкт-Петербурга. Ансамбль впервые участвовал в праздничном концерте в Манеже, посвященном Дню города, и исполнил несколько немецких песен на немецком и русском языке. Май 2003 года участники ансамбля считают датой его рождения.

Ансамбль исполняет немецкие песни на немецком и русском языках в инструментальном сопровождении (аккордеон, скрипка, флейта, гитара, фортепиано). Репертуар основан на пяти сборниках «Любимые немецкие песни» («**Beliebte deutsche Lieder**»), в которых содержится около 150 немецких песен с нотами и параллельными текстами на немецком и русском языке. Автор эквиритмических стихотворных переводов — Наталья Краубнер. В репертуаре ансамбля присутствуют старинные немецкие песни, лирические и шуточные, рождественские и бытовые, баллады и фольклор российских немцев, песни колонистов из пригородов Петербурга, песни на стихи и музыку великих немецких композиторов и поэтов, а также романтическая музыка Германии XX века. Участники традиционно выступают в немецких национальных костюмах.

На момент создания в состав ансамбля входило всего 5 участников, сейчас их 13. Он состоит из вокалистов и инструментальной группы — аккордеон, скрипка, флейта, гитара.

Ансамбль немецкой песни «Лорелея». 2010 г. Из архива РНЦВ. Руководитель Н. П. Уральская (крайняя слева), потомок стрелнинских колонистов Краубнер¹

Краубнер (Уральская) Наталья Петровна — художественный руководитель

Смирнова Татьяна Ивановна — концертмейстер

Толдова Елена Викторовна — скрипка

Шмидт Наталья Эдуардовна — сопрано, солистка

Хоткевич Нина Анатольевна — сопрано

Неусыпина Татьяна Андреевна — сопрано

Васильева Ирина Игоревна — сопрано, флейта

Ниголь Надежда Павловна — альт

Фигурина Любовь Львовна — альт

Кучевская Наталья Игоревна — альт

Тараканова Александра Юрьевна — альт

Якимова Татьяна Викторовна — альт

Гоппе Александр Оскарович — тенор, гитара

¹ Опул. в: Deutsche Siedler um St. Petersburg: Historische Kulturlandschaft: Ausstellungskatalog (Немецкие поселенцы под Санкт-Петербургом: исторический и культурный ландшафт: каталог выставки). St. Petersburg, Detmold, 2014. С. 351.

Ансамбль выступает на конференциях и праздниках в Русско-немецком центре встреч при Петрикирхе, в городских библиотеках, школах и колледжах. Занимается просветительской деятельностью, знакомит слушателей с немецкой песенной культурой и историей российских немцев. Ансамбль — активный участник городских культурных мероприятий в рамках программы толерантности «Возьмемся за руки, друзья!» и «Открытый город», ежегодного фестиваля национальных культур в Приютино, постоянный участник Рождественской мистерии, проводимой Музеем этнографии Санкт-Петербурга, участник международных культурных программ в Финляндии и Эстонии.

В апреле 2010 года ансамбль стал лауреатом международного фольклорного фестиваля в городе Нарве (Эстония), завоевав 1-е место в номинации «Вокальный ансамбль». В апреле 2012 года стал лауреатом международного фольклорного фестиваля в Эстонии (Таллин), завоевав 1-е место в номинации «Фольклорный ансамбль»².

Н. П. Уральская (Краубнер)

² См. также: С песней по жизни // Московская немецкая газета. 2013. 14 февраля; *Луков Е.* Von Rosamunde bis Rammstein // Deutsche Spuren in St. Petersburg. Stuttgart, 2012. S. 32–34.

НЕМЕЦКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ В РОССИИ — НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЯ (СЕРЕДИНА XIX В. — 1941 Г.)

Историографии фольклористики в области народного творчества российских немцев посвящено относительно небольшое количество работ. Это в первую очередь несколько исследований, вышедших в 90-е годы прошлого века, когда началась наиболее активная стадия изучения истории и культуры немецкого населения России. Среди них обширная статья И. П. Виндгольца «Исчезающее наследие» (1992)¹, глава «Немецкие крестьянские колонии» в монографии Э. Штёкля «История музыки российских немцев» (1993)² и статья А. Шваба «Историография музыкальной культуры российских немцев» (1997)³. Все три исследования имеют свои особенности, которые так или иначе влияют на широту и полноту изложения материала. Первые две работы были изданы на немецком языке.

В своей статье Виндголец представляет сборники немецких народных песен и исследования, посвященные этому вопросу, начиная с середины XIX века и заканчивая 1989 годом, проводит периодизацию

¹ В данной статье И. П. Виндголец опирается на разработки своей кандидатской диссертации, защищенной в 1986 г., см.: *Виндголец И. П.* Фольклорная группа в локальной традиции (на материале немецкой песенной культуры села Кирово-Карагандинской области) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1986. Статья 1992 г. «Исчезающее наследие» была переиздана позже в монографии «Немцы России. Песня. Музыка. Обряд»: *Windholz J.* Schwindendes Erbe (Mündliche Überlieferung der Russlanddeutschen) // Die Russlanddeutschen — Gestern und Heute. Köln. 1992. S. 239–251; Немцы России. Песня. Музыка. Обряд. Саратов, 2011.

² *Stöckl E.* Musikgeschichte der Rußlanddeutschen // Die Musik der Deutschen im Osten Mitteleuropas. Bd. 5. Dülmen, 1993.

³ *Шваб А.* Историография музыкальной культуры российских немцев // Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 1997. С. 86–96.

источников и выделяет в целом три периода исследования: дореволюционный (включая период революции 1917 года), послереволюционный (до начала Великой Отечественной войны) и послевоенный (по 1990-е годы).

Книга Штёкля разделена на две части. В первой представлена история музыкальной культуры немцев, живших и работавших в российских городах (исследуются в первую очередь Москва и Санкт-Петербург), и ее влияние на русскую музыку, при этом последний раздел первой главы посвящен музыкантам российско-немецкого происхождения. Вторая часть книги рассматривает историю музыкальной жизни в немецких колониях России, немецкую народную песню, музыкальную и театральную культуру немцев Поволжья, музыку советских немцев после их реабилитации и музыку периода перестройки. Автор видит свою задачу в том, чтобы, с одной стороны, понять, в какой мере переселившиеся в Россию немецкие музыканты повлияли на развитие русской музыкальной культуры, а с другой стороны, изучить историю сохранения традиционной музыкальной культуры в среде немцев, живших в России. Историография вопроса рассматривается начиная с 1575 года, когда в связи с созданием немецкой евангелической общины в Москве впервые прозвучал немецкий церковный хор. В числе тех, кто помогал автору в сборе историографического материала, Штёкль благодарит в первую очередь Александра Шваба за неоценимую помощь в подборе источников.

Статья самого А. Шваба была издана через четыре года на русском языке и дополняла предыдущие исследования данными о работах композиторов и историках музыки. Автор предваряет статью обзором основных исследовательских центров Германии, занимающихся изучением немецкой народной песни, и выделяет два периода историографии немецкого фольклора в России — до- и послевоенный.

Более чем через десять лет была издана монография Е. М. Шишкиной «Традиционное музыкальное наследие волжских немцев в прошлом и современности: проблемы этнической идентичности» (2008)⁴, вторая глава которой полностью посвящена вопросам периодизации музыкально-фольклорных источников по народно-песенному

⁴ Шишкина Е. М. Традиционное музыкальное наследие волжских немцев в прошлом и современности: проблемы этнической идентичности. Астрахань, 2008.

наследию волжских немцев. Несмотря на заявленное в заглавии ограничение в виде региона Поволжья, автор рассматривает вопрос шире, представляет много значимых источников, касающихся изучения фольклора немецкого населения в России в целом, и приводит более дробную, чем предыдущие исследователи, периодизацию историографии вопроса, выделяя четыре периода исследования, в целом совпадающие с периодизацией И. П. Виндгольца, за исключением последнего периода, датируемого Е. М. Шишкиной временем с 1989 года по начало XX века. При этом делается разделение на исследования, проведенные в России и сделанные в Германии и в Америке.

Периодизация историографии немецкого музыкального творчества в России естественным образом исходит у всех перечисленных авторов из знаковых событий российской истории, трагическим образом повлиявших на жизнь людей в бывшей Российской империи, в первую очередь — на людей, имевших инациональные корни, обычаи, традиции и язык. Это революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война, во время которой исторический фон не способствовал фольклористическим исследованиям; затем Великая Отечественная война и продолжавшиеся после нее гонения на немецкое население России. Последними существенными вехами, повлиявшими на исследование истории и культуры российских немцев, стали их реабилитация в 1989 году и распад СССР в 1991 году.

Научное исследование устной народной традиции российских немцев началось в середине XIX века и продолжается по сей день, правда с перерывами, связанными с историческими обстоятельствами, повлиявшими на возможность проведения каких-либо исследований в отношении немецкого населения в России. Первые два этапа исследования немецкой народной песни можно разделить следующим образом: 1854–1917 и 1917–1941 годы.

1. Середина XIX века — 1917 год

Около середины XIX века Иоганнес Маттиас Фирмених издал сборник, в котором представлены более пятисот областей распространения немецкого языка. Фирмених записал высказывания на диалекте,

детский фольклор и шванки также и из южнорусских колоний. В последнем третьем томе его собрания, изданном в 1854 году, были впервые отражены немецкие народные песни на территории России через призму интереса автора к немецким диалектам⁵. Как отмечает Фирмених, материал был передан ему имперским чиновником Вильгельмом Бауманом. Тексты предваряются введением, содержащим сведения об истории создания и развития колоний на правом и левом берегах р. Молочная в Запорожской области, приводятся данные автора об особенностях языка в различных деревнях данной области. Данное издание ценно в первую очередь тем, что именно оно впервые ввело произведение немецкой народной культуры на территории России в поле интересов различных ученых — лингвистов, фольклористов, этнографов, хотя само по себе и не являлось сугубо научным исследованием.

С конца XIX века в Москве, Житомире, Одессе, Саратове и Пришибе начали издаваться крестьянские календари с текстами песен, пословицами, поговорками и стихотворениями. Среди них «Familienkalender», «Molotschnaer Volkskalender für die deutschen Ansiedler in Südrussland». Список календарей приводится в библиографии К. Штумппа, автора многих известных работ по истории немецкого населения в России⁶.

С 1889 года стали ежемесячно издаваться сборники духовных песен украинских меннонитов «Песенные жемчужины»⁷, в которых мелодии песен печатались в цифровой записи. Вопрос о системе цифровой записи нот заслуживает особого внимания. Это система нотации, в которой цифры от 1 до 7 используются вместо нот, привычных для профессиональных музыкантов. Она применялась в различных европейских странах в XVIII и XIX веках для того, чтобы научить пению людей, не знакомых с системой нотной записи. Российские меннониты познакомились с цифровой записью нот благодаря Генриху

⁵ *Firmenich J.M.* Mundarten der deutschen Ansiedler an den Ufern des Molotschnaja Flusses im Taurischen Gouvernement im südlichen Russland // Germaniens Völkerstimmen. Sammlung der deutschen Mundarten in Dichtungen, Sagen, Märchen, Volksliedern usw. Bd 3. Berlin, 1854. S. 434–445.

⁶ *Stumpp K.* Das Schrifttum über das Deutschtum in Russland. Eine Bibliographie. 5, sehr erweiterte Auflage. Stuttgart, 1980. S. 26–28.

⁷ *Liederperlen.* In Ziffern gedruckte Melodien mit Texten. Halbstadt, Couv. Taurien. 1889ff. (monatlich).

As dur, a=♯1.

54. Gebet.

(Pfingstfest).

1. Geist des Le - bens, Geist der Ruh, Mach mich hei - lig, so wie du
 2. Geist der Lie - be, richt mein Herz lie - be ge - hend Je - su, wä
 3. Geist der Kraft, füll im - mer - hin mich mit Je - su Chri - sti Si
 4. Laß mich, Geist der Herr - lich - keit, Rück - halts - los Gott sein ge - wei

1. 1. 7 6 | 5. 1. 1 2 | 3. 3. 3 2 3 | 5. 3. 2 1 | 6. 6. 7
 6. 6. 5 4 | 3. 3. 3 2 | 5. 5. 5 6 | 1. 5. 5 6 | 1. 1. 1
 Sein ganz mit dir stimm' ü - ber - ein. Daß mein Den - ken und mein Sein e
 füllt von des Rei - ches Ge - bil - den. Daß es sei al - lein er - füllt
 sein, Zweck und Ziel des Le - bens sein. Er soll stets, und er al - lein ge
 nährt, ganz in dei - nem Licht ver - klärt. Ganz durch dei - ne Kraft ge - nährt,

Пример цифровой музыкальной нотации
 из сборника «Песенные жемчужины» (И. Борн. 1903)⁹

Францу, приехавшему преподавать в Гнаденфельд. В 1837 году Франц составил «Книгу хоралов в цифрах», надеясь, что она поможет избежать мелодических нарушений, которые он обнаружил в хоралах, исполнявшихся российскими меннонитами и передававшихся от поколения к поколению в устной традиции⁸. Лишь в 60–80-х годах XX века сборники «Песенные жемчужины» были переизданы с мелодиями в нотной записи.⁹

Многие исследователи относят к историографии российских немцев книгу уроженца города Черновцы австрийского историка и этнографа Р.-Ф. Кайндля «Немецкие народные песни из Буковины», вышед-

⁸ *Claszen J.P. Ziffersystem // Mennonite Encyclopedia. IV. P. 102. К вопросу о пользе данной системы см.: Claszen J.P. Ehrenrettung des Ziffersystems // Die Mennonitische Rundschau. 13. September 1933. Nr. 2–4.*

⁹ *Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. Url: http://gameo.org (23.12.2014)*

шую в 1909 году¹⁰. Кайндль посвятил множество исследований истории, этнографии и фольклору немецкого населения этого региона. Буковина, государственная принадлежность которой часто менялась, вошла после Русско-турецкой войны 1768–1774 годов в состав Австро-Венгрии. Будучи сначала Черновицким округом Галиции, Буковина стала в 1849 году отдельной областью, а с 1867 по 1918 годы — герцогством в составе Австро-Венгерской империи. Следующие 20 лет, с 1919 по 1940 годы, Буковина входила в состав Румынии, а с 1940 года Северная Буковина вошла вместе с Бессарабией в состав СССР. Таким образом, говоря об исследовании Кайндля 1909 года, стоит учитывать, что оно не относилось на момент написания к немцам Российской империи.

Ценную информацию о народном творчестве немцев в России можно найти не только в специальных исследованиях, но и в художественной литературе, например в поэме Давида Куфельда «Песня о кюстере Дейсе», изданной в 1914 году и посвященной жизнеописанию одного из колониетских кюстеров, являвшихся помощниками пастора¹¹. Кюстеры (кистеры) считались согласно уставу евангелическо-лютеранской церкви церковными служителями, то есть не причислялись к духовенству и работали по найму. В колониях должность кюстера часто сочеталась с должностью школьного учителя. В поэме в нескольких главах описываются различные формы музицирования, свойственные российским немцам. Так, в гл. IV, посвященной талантам кюстера, бывшего кантором, учителем, органистом, секретарем, архивариусом, фельдшером, звонарем и даже колониетским писарем, восхваляется сила и широкий диапазон его голоса, хорошее знание различных песен:

Волшебным был его небесный голос,
Те звуки Дейса, тот голос мощный!
Природы чудо гениально:
Все голоса ему подвластны,
Все песни знает идеально!¹²

¹⁰ *Kaindl R.F.* Deutsche Volkslieder aus der Bukowina. Czernowitz, 1909.

¹¹ *Kufeld D.* Das Lied vom Küster Deis. Beitrag zu unserem 150-jährigen Jubiläum. 1764–1914. Saratow, 1914.

¹² Все переводы или переложения с немецкого языка на русский здесь и далее автора, если не указано иное. Фрагмент текста на немецком языке:

В главе XI дается описание праздника, музыкальных и инструментальных традиций:

Музыкантов где-то Федька
Взял известных тут и там...
И в цимбалы он ударил,
Громко туш запел всем нам.

Описываются танцевальные и песенные обычаи:

А за ним и все вступили,
Тот мужской особый хор!
В танцы весело пустились!
Даму каждый себе выбрал,
Шел за рюмкой разговор.

Уделяется внимание традициям мужского хорового пения:

И громко песни их звучали,
Ну, прямо как солдатский хор¹³.

Himmlisch schön war seine Stimme,
Deis'chens laute, mächt'ge Stimme!
Wohl ein Wunder der Natur:
Alle Stimmen konnt'er singen,
Alle Lieder nach der Schnur! (*Kufeld D. Op. cit. S. 13*)

¹³ <...>

Ihre lauten Stimmen klingen
Laut wie ein Soldatenchor.
Fedka holte Musikanten,
Den berühmten, weitbekanntem
<...>
Ins Zimbal warf Fedka mutig
Neun Kopie und sang'en Tusch.
Nach ihm sangen andre Männer,
Lauter auserles'ne Säng'er!
Und jetzt ging das Tanzen los:
Jeder piff sich eine Dame
Oder gab ihr einen Stoß! (*Kufeld D. Op. cit. S. 42*)

В главе XII приводится текст нежной и грустной колыбельной песни, которую поет жена кюстера своему сыну:

Спи, сынок, вдали пока что
от тебя нужда с бедой.
Светят звезды, месяц ясный
над долиной и горой,
Скоро, правда, боль и беды
твой нарушат сон.
Как хочу с тобой остаться,
мой мальш, на долгу ночь.
Лишь с тобой могу делиться,
мне печали все невмочь...¹⁴

В том же 1914 году, когда вышла поэма Куфельда, было издано этнографическое исследование Э. Зайба «Волжские немцы в зеркале своих обрядов», которое не получило широкой известности в России и увидело свет в конце 60-х годов прошлого века в Германии. Работа интересна не только этнографической стороной содержания, но и приведенными в ней текстами обрядово-бытовых песен¹⁵.

В 1917 году была издана небольшая статья известного этнографа, многолетнего директора гамбургского Этнографического музея Артура Быхана (Артюра Бюана) «Немецкие народные песни из Добруджи и юга России»¹⁶. Из указанных автором 49 песен лишь три записаны

¹⁴ Schlaf, mein Kind' es liegt noch ferne
Alle Not und Qual,
Freundlich leuchten Mond und Sterne
Über Berg und Tal,
Doch wie bald wird Schmerz und Kummer
Stören deine Ruh'.
Gerne will ich bei dir weilen,
Kind, die ganze Nacht,
Kann ich doch mit dir schon teilen,
Was mich traurig macht... (*Kufeld D. Op. cit. S. 47*)

¹⁵ *Seib E.* Der Wolgadeutsche im Spiegel seines Brauchtums // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1967/1968. Stuttgart, 1914. S. 145–209.

¹⁶ *Byhan A.* Deutsche Volkslieder aus der Dobrudscha und Südrussland // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Hrsg. Fritz Boehm. 27. Jahrgang. Berlin: Behrend&Co, 1917–1918. S. 141–146.

на юге России, а именно присланы в 1909 году из колонии Фройденталь под Одессой. При этом большинство песен дается в виде перечня с указаниями на уже известные источники с их текстами, 8 песен приводятся в полном виде. Из песен, записанных в колонии Фройденталь, две указываются в списке (*Einst stand ich im Eisengitter, Macht eure Lampen fertig (Versammlungslied)*) и лишь одна дана полным текстом. Это песня о Русско-японской войне (*Der russisch-japanische Krieg*) на мелодию «О, как темны стены» («*O wie dunkel sind die Mauern*»). В списке эта же песня дается в названии «*Wie siehts aus im fernen Osten*».

Начало научного исследования песенного творчества российских немцев связано с выходом сборника песен Иоганнеса Эрбеса и Петера Зиннера «Народные песни и детские стихи из поволжских колоний»¹⁷. Этот первый сборник песен поволжских немцев (предназначенный в первую очередь для юных читателей) содержит песни 20 различных жанровых разновидностей (в 11 разделах) всего 280 текстов песен и детских стихов, а также 300 загадок. Авторы поднимают вопросы происхождения немецкой народной песни в России, говоря о путях их проникновения в страну благодаря подмастерьям, лекарям, учителям и искателям сокровищ — всем «иностранцам», искавшим работу на новых местах. Эрбес и Зиннер придавали большое значение воспитательной функции народной песни, отмечая, что «нельзя переоценить ту благодать, которая исходит на народ от хорошей и тщательно сохраняемой народной песни»¹⁸. В народной песне они видели «спасительный якорь» для сохранения немецкого языка и национальной культуры, отмечая, что песня тесно связана с обычаями и традициями: там, где живы традиции, там жива и народная песня. «Народная песня процветает в тех колониях, где все еще празднуются старые веселые крестьянские свадьбы по два дня подряд»¹⁹. Основными носителями песенного

¹⁷ *Erbes J., Sinner P. Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien, gesammelt und mit einem Anhang von Rätseln zum 150-jährigen Jubiläum der Wolgakolonien herausgegeben von J. E. u. P. S. Saratow, 1914.*

¹⁸ *Ibid.* S. 12. Здесь и далее цитаты на иностранном языке приводятся в переводе на русский, с тем, чтобы сделать материал максимально доступным для читателей. Дублирование языков оригинала и перевода частично осуществляется только в отношении текстов песен.

¹⁹ *Ibid.* S. C. 11.

наследия Эрбес и Зиннер называют молодежь, в основном группы холостых парней, говоря, что девушки пели «робко и украдкой иногда ту или другую песню, услышанную от парней... Они больше хранительницы духовных народных песен и церковно-религиозных песнопений»²⁰, что подтверждается также более поздними исследованиями советских фольклористов, В. М. Жирмунского, С. Максимова, И. П. Виндгольца. Авторы отмечают также, что люди старшего возраста, женатые мужчины, вспоминали и пели песни лишь иногда и по случаю, например, на свадьбе. Почти каждый текст сопровождается комментариями в конце книги, содержащими сведения о распространении данной песни или загадки, литературных источниках, иногда об истории возникновения песни и т. д. Здесь же иногда встречаются иные варианты песен, включенных в сборник. Значение данного издания для собирателей и исследователей немецкой народной песни трудно переоценить, поскольку именно оно впервые ввело в научный оборот значительный пласт произведений устного народного творчества немецких колонистов в России. Перу П. Зиннера принадлежит также вышедшее значительно позже издание для молодежи «Немцы в Поволжье»²¹, содержащее небольшой раздел «Песни колонистов в лагерях для военнопленных» в главе, посвященной Первой мировой войне.

Песни военнопленных колонистов отражены наилучшим образом в книге Георга Шюнеманна «Песня немецких колонистов в России», являющейся по сей день основополагающим исследованием немецкой народной песни в России с точки зрения этномузыкологии²². Основной задачей, которую ставил перед собой Шюнеманн, было исследование немецкой народной песни регионального происхождения именно с музыковедческой, а не лингвистической или этнографической точки зрения. Отмечая недостаточность исследовательской базы в данной области, Шюнеманн высоко оценивает значение единственного на тот

²⁰ *Erbes J., Sinner P.* Op. cit. S. 11.

²¹ *Sinner P.* Der Deutsche im Wolgalande // Der Deutsche im Auslande. Hrsg. Auslandsabteilung des Zentralinstitutes für Erziehung und Unterricht. Heft 30. Langenselza, 1926 ; 1939.

²² *Schünemann G.* Das Lied der deutschen Kolonisten in Russland. Mit 434 Abbildungen in deutschen Kriegsgefangenenlagern gesammelten Liedern. München, 1923. (Sammelbände für vergleichende Musikwissenschaft, Bd. 3.)

момент источника, книги Эрбеса и Зиннера (см. выше), сожалея о том, что в данной работе приводились тексты песен без нот. Желая восполнить данный пробел, Шюнеманн стремился к максимальной точности при записи песен. Наиболее простые мелодии ученый записывал только на слух, остальные же записи делались одновременно на фонограф и нотировались на слух, чтобы избежать случайностей, возможных при первой записи на фонограф, и зафиксировать различные варианты. Все записи делались в 1916–1917 годах в немецких лагерях для военнопленных. Тексты записывали сами колонисты, однако при записи песен они не проводили разделения на строфы, которое было внесено Шюнеманном при подготовке текстов к печати. В книге содержатся запись 434 песен с вариантами, систематизированных по 24 жанровым разновидностям (в 13 разделах), и обширное теоретическое вступление.

Георг Шюнеманн сумел доказать, что большинство песен российских немцев представляют собой текстовые и мелодические варианты песен, исполнявшихся в Германии, хотя многие из них узнавались с трудом и сильно отличались от исконных аналогов. Автор приводит данные о музыкальных особенностях исполнительской манеры изучаемых песен. Особо заинтересовало исследователя растянутое, богато орнаментированное мелизматическое, высокое пение немецких колонистов в России. Шюнеманн продемонстрировал многообразие практики мелизматики российских немцев, когда при пении один слог распевается на несколько нот, и указал на то, что подобное орнаментированное пение свойственно григорианскому хоралу, являвшемуся, как известно, одной из ранних форм европейской полифонии. Все манеры «украшений» ученый обнаружил в трактатах средневековых теоретиков, отмечая, что подобное пение было свойственно практике средневекового музицирования в целом. Большая часть песенных вариантов указывала на происхождение песен из юго-восточных областей Германии. Однако Шюнеманн отмечал, что наиболее интересные и своеобразные песни записаны от колонистов с Поволжья, юга России, из Сибири и Петербургской губернии, поскольку в этих регионах колонисты смогли в наибольшей степени сохранить свою изначальную немецкую культуру, передавая песни устным путем от поколения к поколению. Шюнеманн обнаружил и описал не только мелодии и тексты, сохранившиеся в форме, так или иначе приближенной по сравнению к соответствующим

мелодиям и текстам в Германии, но и множество мелодий, которые были сложены из двух или более различных частей. Целый ряд песен исполнялся на одну-единственную, постоянно повторяющуюся музыкальную фразу или даже мотив. Шюнеманн первым описал мелодии, мотивы, музыкальные фразы песенного творчества немецких колонистов из России, уже исчезнувшие на тот момент из практики народного пения в самой Германии. Исследование Шюнеманна связывает два исследовательских периода — до- и послереволюционный. Материал, записанный от военнопленных немцев в 1916–1917 годах, был теоретически осмыслен и подготовлен к изданию в последующие семь лет и издан в 1923 году.

Таким образом, в первый исследовательский период немецкая народная песня была открыта наукой, которая выявила ее жанровое многообразие и исполнительскую специфику, а также перспективы для дальнейших исследований, продолжившихся после перерыва, связанного с революционными событиями в России.

2. 1917–1941 годы

Отечественные исследователи вновь открыто обратились к изучению культуры немецкого населения России в начале 1920-х годов. По инициативе Георга Дингеса²³ при Саратовском университете была сформирована группа по исследованию немецких диалектов, которая начала свою деятельность с изучения говоров поволжских немцев. Интерес именно к этой группе российских немцев объясняется в первую очередь тем, что Г. Дингес был сыном поволжского крестьянина немецкого происхождения из деревни Блуменфельд. Однако работа по собиранию образцов культуры российских немцев Поволжья была начата

²³ Dinges G. *Wolgadeutsche Volkslieder mit Bildern und Weisen. Bilder von Paul Rau. Berlin und Leipzig, 1932 (Landschaftliche Volkslieder mit Bildern und Weisen, 25)*. Исследование сохранившейся части наследия Г. Дингеса сейчас продолжается в фондах Областного государственного учреждения «Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе» (ОГУ ГИАИП), где в 1997 г. была завершена работа по созданию Фонда Дингеса–Дульзона («Объединенный фонд ученых Г. Г. Дингеса и А. П. Дульзона» (ОАФ-Р-1821)).

значительно раньше. Так, известно, что когда в 1917–1919 годах в Саратове жил и работал другой видный лингвист, фольклорист и этнограф, будущий академик В. М. Жирмунский, Дингес уже вел активную собирательскую и исследовательскую деятельность в близлежащих немецких колониях, что отчасти оказало влияние на возникший интерес Жирмунского к исследованию языка и фольклора российских немцев. В 1924 году Дингес получил в рамках своей деятельности по изучению немецких диалектов разрешение на командировку в Германию, во время которой он познакомился с немецкими диалектологами, в том числе и с Фердинандом Вреде, с которым активно сотрудничал в последующие годы. Г. Дингесу удалось собрать значительное количество ценных материалов по диалектам и этнографии немцев в России. Как отмечает И. П. Виндгольц, «после создания Республики немцев Поволжья, особенно в 1926–1929 годы, в фольклорно-этнографических экспедициях более или менее регулярно участвовали Маркштадтский педтехникум, Союз немецких писателей Немреспублики, Немгосфилармония, Энгельсский немецкий педагогический институт. Организаторами экспедиций были профессор Саратовского университета Георг Дингес и его супруга Эмма Дингес, художественный руководитель Ансамбля песни и танца АССР НП Готфрид Шмидер, председатель Союза немецких писателей Андреас Закс. Среди участников экспедиций были будущий известный писатель, организатор и руководитель отделения немецкого родного языка при Новосибирском педагогическом институте Виктор Клейн, Петер Гунгер, студенты, преподаватели техникумов и институтов»²⁴.

Работая вместе со своей женой, опытным музыковедом и фольклористом, Георг Дингес собрал богатый материал. Сам ученый отмечал, что его песенная коллекция содержит примерно 1200 текстов и около 4000 мелодий. В 1932 году в серии «*Landschaftliche Volkslieder*» вышел сборник «Народные песни немцев Поволжья с мелодиями и рисунками», изданный Георгом Дингесом с иллюстрациями известного археолога, фольклориста, художника Пауля Рау. Он содержит 50 песен поволжских немцев в двухголосной записи. Как отмечает И. П. Виндгольц,

²⁴ Виндгольц И. П. Предисловие к повторному изданию книги «Народные песни немцев Поволжья с мелодиями и рисунками», изданной Г. Дингесом в 1932 г. С. 5–8. (*Wolgadeutsche Volkslieder mit Bildern und Weisen* / Hrsg. Prof. Dr. Georg Dinges. Berlin und Leipzig, 1932. Zweistimmige Neuausgabe von Dr. Johann Windholz. Moskau, 1996).

с которым соглашается Е. М. Шишкина, работу по досочинению второго голоса провел Готфрид Шмидер, создатель нотаций. Эта книга была переиздана в 1996 году благодаря усилиям И. П. Виндгольца, неутомимого собирателя и исследователя немецкой народной песни в России. Переиздание снабжено подробным введением и биографическими справками об издателях первого сборника. Как отмечает в предисловии ко второму изданию И. П. Виндголец, «вошедшие в сборник песни записаны в 22 колониях Немреспублики. В него вошли 50 песен разных жанров от старинных баллад, солдатских и песен о войне до песен лирических, шуточных, а также созданных уже на новой родине. Большинство песен записаны Георгом Дингесом и Эммой Дингес. Есть целый ряд песен из коллекций других собирателей»²⁵.

Относительно данных о современном состоянии песенной части Архива Георга Дингеса существуют разные мнения²⁶. Наиболее полными представляются подсчеты Е. М. Шишкиной, издавшей в 1999 году музыкально-фольклорный сборник из 83 песен села Blumenфельд и много проработавшей в Архиве ГАСО в городе Энгельсе Саратовской области с делами архива Г. Дингеса (Ф. 1348. Оп. 2. Д. 109, 110, 111). Исследовательница приводит следующие цифры: 526 немецких народных песен (1141 лист хранения), записанных в 26 поволжских колониях, если учитывать также песни, изданные в сборнике 1932 года. Собраны песни 26 жанровых разновидностей (18 разделов). При этом Шишкина приходит к выводу о том, что существенная часть архива Дингеса остается на сегодняшний день неизвестной. На эти выводы исследовательницу натолкнул тот факт, что ни один из рассмотренных ею вариантов одних и тех же песен не совпадает полностью, демонстрируя существенные расхождения либо в тексте, либо в мелодии песен. Надо сказать, что значительная часть архива действительно, скорее всего, утеряна, поскольку неблагоприятная политическая ситуация помешала продолжению исследовательской деятельности Г. Дингеса и некоторых его коллег. В 1930 году Дингес был арестован за «германскую пропаганду» и сослан в Сибирь, где он умер от сыпного тифа в 1932 году. Многие из его полевых и исследовательских записей были сожжены

²⁵ Виндголец И. П. Указ. соч.

²⁶ Ср.: Штёль Э. Указ. соч.; Виндголец И. П. Указ. соч.

вместе с другим имуществом, а часть оставшихся материалов потеряна во время последовавшей вскоре за тем войны с Германией.

По материалам собрания поволжских песен была написана и в 1926 году в Саратове защищена диссертация Зинаиды Потуловой, посвященная сравнительному анализу текстов песен, рецензентом которой выступил Г. Дингес. По материалам диссертации была напечатана статья, опубликованная на немецком языке в Германии²⁷.

В середине 1920-х годов по инициативе Виктора Максимовича Жирмунского подобные исследовательские группы были образованы в Ленинграде, а затем в Москве, Одессе и Киеве. Таким образом, в середине 1920-х годов В. М. Жирмунским было положено начало уже ширококомасштабной собирательской и исследовательской деятельности в различных немецких поселениях на территории нашей страны.

Жирмунский понимал фольклор в максимально широком значении этого слова, отмечая, что он не видит «принципиальной необходимости проводить границу между тем, что обычно называется “фольклором”, и “этнографией”», подчеркивая при этом, что «существенным... является не количественный объем понятия “фольклор”, а его качественная специфика, определяемая его социальной природой и общественной функцией»²⁸. Ученый предлагал не выделять понятие «поэтического фольклора» или, шире, «художественного фольклора», «фольклорного искусства», а включить его в весь круг явлений духовной культуры в соответствии с первоначальным английским словоупотреблением (*англ.* folklore букв.: folk — «народ», lore — «практические знания; профессиональные знания; традиционные знания, верования, знание, мудрость, то есть народная мудрость, знание народа»). В таком случае термин «этнография» обозначал бы явления материальной культуры. Продолжая развивать данную теорию, ученый предлагал еще больше расширить значение термина «фольклор» и использовать его в широком понимании немецкого термина *Volkskunde*: «Методологически более правильно не проводить и этого традиционного разделения, поскольку изучаемые фольклористикой и этнографией факты так называемой материальной

²⁷ Potulowa S. Armut und Reichtum im wolgadeutschen Volkslied // Teutonista. Bd. 3. 1926/27. S. 165–170; 262–274.

²⁸ Жирмунский В. М. Проблема фольклора (1934) // Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. М., 2004. С. 42.

и духовной культуры одинаково относятся к явлениям общественной жизни и по своей социальной природе занимают в ней принципиально одинаковое место: поэтому наиболее приемлемым является тот широкий объем понятия, который соответствует обычному употреблению немецкого термина „Volkskunde”, объединяющего этнографию и фольклор как принципиально однородную группу явлений»²⁹.

На представление о фольклористике как науке, охватывающей все фольклорные явления, неразрывно связанные с явлениями культуры, языка, литературы и этнографии, последовательно распространялось широкое понимание Жирмунским самого фольклора: «Что касается фольклористики как науки, то некоторая порочность ее традиционных методологических установок тесно связана с идеологическими предпосылками выделения и изоляции фольклора как особой области знания. С методологической точки зрения вряд ли может быть оправдано выделение из системы исторических знаний особой науки о культурных реликтах»³⁰. Это же замечание Жирмунский относит и к поэтическому фольклору, как к более узкой области фольклорных явлений. При этом он отмечает, что поэтический фольклор должен изучаться в сопоставлении с литературой. В заключение ученый добавляет: «Только тогда фольклорное явление получит методологически правильное освещение как в своем генезисе, так и в своей общественной функции, когда в каждом конкретном случае оно будет рассматриваться не изолированно, в кругу таких же фольклорных реликтов, а в широкой исторической перспективе как часть исторического процесса»³¹. В ходе собирательской деятельности в немецких колониях СССР Жирмунский ставил своей целью именно последовательное воплощение идеи понимания фольклора как явления, охватывающего всю сферу духовной, культурной и общественной жизни колонистов, собирая, записывая, изучая и сохраняя как явления устного народного творчества, так и связанные с ними процессы и предметы материальной культуры.

Начало собирательской деятельности Жирмунского в отношении немецкого фольклора в России относится к 1924 году. Сначала он

²⁹ Жирмунский В. М. Проблема фольклора (1934). С. 42.

³⁰ Жирмунский В. М. Введение в литературоведение : курс лекций / под ред. З. И. Плавскина, В. В. Жирмунской. 2-е изд. М., 2004. С. 55.

³¹ Там же. С. 56.

проводил в рамках своего диалектологического семинара запись говоров немецких колонистов в окрестностях Ленинграда (Средней Рогатки, Колпино, Новосаратовки, Стрельны) и трех колоний (Порхова, Луцка и Франкфурта) из-под Ямбурга (ныне Кингисеппа). В собирательской деятельности принимали участие ученики Жирмунского: студенты и выпускники немецкого отделения кафедры романо-германской филологии университета, а также его коллеги и сотрудники.

В течение 1924–1926 годов у В. М. Жирмунского на дому записывались немецкие говоры Закавказья; информантами были, по воспоминаниям его ученика, будущего профессора Ленинградского университета Л. Р. Зиндера, студенты Немецкого педагогического техникума в Ленинграде — носители этих говоров. Позже, в конце 20-х годов, у В. М. Жирмунского появилась возможность направлять экспедиции в разные районы Украины, а также в Крым и Закавказье. Он смог осуществить это в связи с проводимой в то время правительством национальной политикой, в соответствии с которой для бесписьменных народов создавалась письменность, а для национальных меньшинств, имевших письмо, в том числе и для немцев-колонистов, вводилось обучение в школе на родном языке. В связи с этим Наркоматы просвещения РСФСР и Украины субсидировали работы по исследованию языков нацменьшинств. Работы проводились при содействии Государственного института истории искусств (ГИИИ), с которым активно сотрудничал В. М. Жирмунский. Ученый был инициатором основания Отделения истории словесных искусств и его председателем, создателем «Архива немецкой народной песни» при крестьянской секции ГИИИ и до перехода в Институт речевой культуры (ИРК) в 1930 году руководителем Кабинета искусства народов СССР.

По воспоминаниям Л. Р. Зиндера, стимулом к исследовательской фольклорной и диалектологической работе Жирмунского послужила его педагогическая деятельность. Так, ученый сообщал в статье «К этнографии немецких поселений в Советском Союзе», что он уже много лет читает на отделении германистики в Ленинградском университете лекции и ведет семинары по немецким диалектам, немецким народным песням и фольклору, уделяя при этом особое внимание колониям. При этом ученый подчеркивал, что его студенты работают в колониях возле

Невы и совершают при поддержке университета более значительные летние поездки на Украину и в Крым³².

Во время полевых записей В. М. Жирмунского интересовали народные песни, в том числе старинные баллады, вывезенные колонистами из Германии. Жирмунский и его ученики составили коллекцию народных песен, которые они распределили по темам и месту записи (в Ленинградской и Новгородской областях — на севере; на Украине, в Крыму и в Закавказье — на юге). Был собран уникальный фольклорный материал, около 4000 текстов немецких народных песен, частично их нотировок и записей на фоновалики или восковые пластинки. В тех случаях, когда текст сопровождался мелодией, озвучивалась, как правило, либо одна первая, либо две первые строфы песни или баллады. Ученый оставил описание песенных традиций в немецких колониях: «Поют, по преимуществу, хором, в два голоса... Во время свадьбы поют и пожилые: существуют особые свадебные песни, а за столом поются при этом комические шванки и песни шуточного содержания... Четверостишия, сопровождающие пляску (своего рода частушки — *Vierzeiler*), в старину были известны повсюду, но и сейчас они в ходу у волжских колонистов»³³. В. М. Жирмунский рассчитывал, что сможет со временем издать полное собрание архива немецких народных песен, но этот план не был осуществлен по политическим причинам и большая часть собрания песен до сих пор находится в архиве.

В связи с начатой работой по сбору и анализу языкового и фольклорного материала в немецких колониях Жирмунский в период с 1925 по 1929 год был трижды командирован Наркомпросом РСФСР в Германию. Ученый посетил многие города и исследовательские центры по немецкой диалектологии и фольклору. Во Фрайбурге исследователь много работал в Архиве немецкой народной песни, изучил методы обработки, систематизации и хранения фольклорного песенного материала. Архивом руководил в то время Джон Майер, с которым Жирмунский вел в дальнейшем активную переписку, обменивался новыми данными и научными идеями. Часть переписки находится в данное время во Фрайбурге,

³² *Schirmunski V.M.* Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion // Neues Russland. 1929. Jg. 6, H. 7/8. S. 37–42.

³³ *Жирмунский В. М.* Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. № 2. С. 101.

часть — в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, часть, к сожалению, пропала. В СПФ АРАН хранятся четыре письма Майера, три из них — к Жирмунскому в Ленинград, одно — в Москву, во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, написанные с 12 января 1927 по 18 июня 1928 года. Изучение переписки Жирмунского по вопросам немецкой диалектологии и фольклористики позволяет в деталях изучить процесс подготовки ученого к собирательской и исследовательской деятельности в колониях, формирования методики сбора и каталогизации материала, обмена научным опытом и идеями с зарубежными коллегами³⁴.

После возвращения из командировок Жирмунский продолжил свои исследования и сообщал следующее: «Ленинградский институт истории искусств <...> предпринял, как обычно под моим руководством, две больших учебных поездки (экспедиции): в немецкие деревни вокруг Новгорода и в южноукраинскую область поселений. <...> Мы собираем многочисленные тексты старых и новых народных песен, мелодии которых записываются тут же на граммофон»³⁵.

В 1926 году аспирант В. М. Жирмунского Альфред Штрём собирал диалектный материал в 26 колониях возле реки Молочная, в 1927 году посетил 17 деревень Мариупольского округа. А. Штрём, также исследовавший народную песню в колониях на Украине (статья «Развитие немецкой народной песни на Украине», 1929)³⁶, переехал в 1927 году на жительство в Хортицу, преподавал в немецком педагогическом техникуме, а в следующем году был переведен по ходатайству Жирмунского в Одесский институт народного образования, на должность сначала доцента, потом профессора немецкого отделения данного института. Штрём принимал активное участие в работе немецкой секции Одесской комиссии краеведения (осн. в 1923 году), работавшей с 11 ноября 1926 года под председательством Г. И. Таубергера.

³⁴ Пузейкина Л. Н. Письма Джона Майера к В. М. Жирмунскому в Санкт-Петербургском филиале архива РАН — к истории исследования фольклора в немецких колониях СССР // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России : материалы Всерос. научн.-практич. конф. с междунар. участием. Калуга, 2013. С. 45–50.

³⁵ Schirmunski V.M. Volkskundliche Studienreisen in den deutschen Siedlungen der Sowjetukraine. Указ. соч. С. 265–266.

³⁶ Ström A. Die Entwicklung des deutschen Volksliedes in der Ukraine // Nachrichten der Odessaer Kommission für Landeskunde. 1929. Nr. 4–5. Deutsche Sektion. H. 1. S. 22–44.

Ассистентка Жирмунского Эллинор Иоганнсон³⁷ объезжала в 1926, 1928, 1929 годах старейшие колонии Крыма в районе Симферополя и Феодосии, работала в архивах. Материалы, собранные Иоганнсон в немецких колониях не только Крыма, но также Сибири и Казахстана, хранятся сегодня в фонде исследовательницы в Российской национальной библиотеке³⁸. К песенной части коллекции относятся записи текстов песен (около 1000 номеров), нотировки, восковые пластинки с записями песен (66 пластинок).

По песенной части материалов экспедиций 1927–1928 годов в село Белые Вежи была написана также статья студентки Жирмунского, будущего известного германиста Т. В. Сокольской (Строевой) «Старинные немецкие народные песни в верхнегессенском языковом острове Белые Вежи (Северная Украина)»³⁹.

Результатом полевых исследований под руководством Жирмунского стало собрание, расположившееся к 1930 году в Институте речевой культуры в Ленинграде и названное ученым «Архив немецкой народной песни». Оно содержит около 4000 текстов песен и их вариантов, записанных на Украине, в Крыму, в Закавказье и Ленинградской области. Тексты песен отпечатаны на машинке, систематизированы и указаны в систематическом и географическом каталогах. Более 1000 мелодий записаны на фонограф и восковые пластинки, при этом 300 из них записаны Германом Бахманом на слух. Мелодии были нотированы известным этномузыковедом Евгением Гиппиусом и Зинаидой Эвальд. Описание фольклорной экспедиции 1927 года на Украину оставил один из ее участников, учитель музыки, сделавший нотировки песен, Герман Бахман в своей книге «Путешествие по немецким колониям Березанского округа»⁴⁰.

³⁷ *Johannson E.G.* Eine Schönhengster Sprachinsel in der Krim // *Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde*, 2. 1928. S. 15–23.

³⁸ РНБ. Ф. 317. 265 ед. хр. 1801–1932. Информацию о фонде см.: *Светозарова Н.Д.* Архивный фонд Э.Г. Иоганнсон в Российской национальной библиотеке // *Российские немцы. Научно-информационный бюллетень. № 1 (73)*. 2013. С. 8–15.

³⁹ *Strojewa-Sokolskaja T. V.* Alte deutsche Volkslieder in der oberhessischen Sprachinsel Belowesch (Nordukraine) // *Hessische Blätter für Volkskunde*. Gießen, 1930. Bd. 29. S. 140–162.

⁴⁰ *Bachmann H.* Durch die deutschen Kolonien des Beresaner Gebietes. Charkow, 1929. Перевод данной книги на русский язык опубликован в комментированном издании:

Собранные во время экспедиций в немецкие колонии СССР материалы по диалектам и этнографии были обобщены Жирмунским в ряде работ 1926–1935 годов. Среди них — вводная статья «Колонистская песня в России»⁴¹, работа «Баллада о “Короле из Милана“ в колониях на Волге»⁴², в которой дается подробный анализ данной баллады и проводится сравнение различных ее вариантов. Сюда относится также книга «Немецкие колонии на Украине (история, диалекты, народная песня, этнография)», вышедшая в Харькове в 1928 году⁴³. В данной работе Жирмунский довольно подробно останавливается на истории немецких колоний начиная со времен Екатерины II, дает анализ песен «Es waren zwei Königskinder», «Die jüngste Nonne» и др. Архив, отдельные песни и сами экспедиции описываются также в статьях «Ленинградский архив немецкой народной песни»⁴⁴, «Des Schlächters Töchterlein» в новых записях»⁴⁵ и в вышедшей в Вене в 1931 году книге «Народные песни из баварской колонии Ямбург на Днепре»⁴⁶. К числу последних работ, посвященных данной проблематике, относится статья «Немецкие народные песни», опубликованная в 1933 году в «Литературной газете», и работа сопоставительного характера, написанная на основе собранного в экспедициях материала — «К вопросу о странствующих

Светозарова Н.Д. Герман Бахман и его книга «Поездка в немецкие колонии Березанского района». СПб., 2015.

⁴¹ Schirmunski V.M. Das kolonistische Lied in Russland // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Jg. 37–38. 1928. H. 4–5. S. 182–215.

⁴² Schirmunski V.M. Die Ballade vom «König aus Mailand» in den Wolga-Kolonien (1928) // Viktor Schirmunski. Hrsg. Claus Jürgen Hutterer. München, 1992. Veröffentlichungen des südostdeutschen Kulturwerkes: Reihe B., Wissenschaftliche Arbeiten; Bd. 59. S. 309–318.

⁴³ Schirmunski V.M. Die deutschen Kolonien in der Ukraine (Geschichte, Mundarten, Volkslied, Volkskunde). Charkow, 1928. См. также статьи Жирмунского, посвященные этнографической стороне исследований: Zur Volkskunde der deutschen Siedlungen in der Sowjetunion // Neues Russland. 1929. Jg. 6. H. 7/8. S. 37–42 и Volkskundliche Forschungen in den deutschen Siedlungen der Sowjetunion // Deutsche Volkskunde im außendeutschen Osten. 4 Vorträge. Leipzig, 1930. S. 52–81.

⁴⁴ Schirmunski V.M. Das deutsche Volksliederarchiv in Leningrad (1930). Hrsg. C.J. Hutterer. München, 1992. S. 270–308.

⁴⁵ Schirmunski V.M. «Des Schlächters Töchterlein» in neuen Aufzeichnungen (1931). Hrsg. C.J. Hutterer. München, 1992. S. 318–326.

⁴⁶ Schirmunski V.M. Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dnjepr (Wien, 1931). Hrsg. C.J. Hutterer. München, 1992. S. 327–376.

сюжетах: литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора» 1935 года⁴⁷.

В качестве отдельной, особой темы исследования Жирмунский выделял распев песен, текстовое варьирование. Собранный материал изобилдовал подобными примерами и давал богатую почву для исследования. Кроме того, обрабатывая материал, собранный во время экспедиций, Жирмунский внес существенный вклад и в разработку принципов лингво-этнографического картографирования, которые были учтены в развернувшихся позднее работах по картографированию обрядов и других фольклорных явлений. Ученый установил, что народные песни российских немцев являются часто более старинными, чем песни, исполнявшиеся в Германии, а народные песни немцев на Украине и в Закавказье — более современными, чем в Поволжье. В районе Ленинграда в песнях проявлялись более древние черты, но они исполнялись уже только людьми старшего поколения. Молодежь пела исключительно русские и современные песни, что объясняется влиянием большого города. Жирмунский заметил, что песенное наследие и манера его исполнения у более состоятельных жителей деревни современнее, чем у бедного населения, поскольку первым было более доступно образование и элементы городской культуры. В то время как «бедные» певцы сохраняли мелизматическую, украшенную манеру исполнения, певцы из состоятельных и образованных кругов предпочитали более «чистую» форму тех же самых мелодий. Полемизируя с Г. Шюнеманном, Жирмунский отмечает, что записи последнего несовершенны в связи с тем, что набор информантов носил достаточно случайный характер. Кроме того, возражения ученого коснулись также выводов Шюнеманна относительно того, что на более свободную манеру пения российских немцев (по сравнению с Германией) повлияла русская культура пения⁴⁸.

Говоря о немецкой народной песне в колониях, В. М. Жирмунский выделяет три слоя песен: 1) старая народная песня XV–XVII веков,

⁴⁷ Жирмунский В. М. Немецкие народные песни // Литературная газета. 1933. 11 дек. (№ 57); К вопросу о странствующих сюжетах: Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1935. № 9. С. 775–811.

⁴⁸ Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения... С. 102.

которую колонисты привезли с собой из Германии; 2) новая народная песня XVIII–XIX веков, также привезенная немцами с их исконной родины, и 3) колонистская песня, возникшая в России в XIX–XX веках⁴⁹. К первой группе относятся многие старинные баллады, переставшие бытовать на территории Германии к моменту посещения ученым немецких поселений в России. Часть из этих баллад Жирмунский переслал Джону Майеру в «Архив немецкой народной песни» во Фрайбурге. Вторая группа песен встречалась в Германии и была достаточно хорошо представлена в сборниках. Последняя группа — колонистские песни — появилась довольно поздно уже в России, сочиняли эти песни люди, скорее всего, владевшие грамотой, то есть школьные учителя или писцы. Известны имена некоторых авторов: в колониях на Волге называют писца М. Франка (кол. Хольштайн), учителя Ф. Кнуса (кол. Шиллинг). Жирмунский указывает, однако, на то, что к данным сведениям надо относиться с большой осторожностью, так как крестьяне называли также авторов из числа известных им людей и для старых немецких баллад⁵⁰. Распространение новых песен происходило в течение очень короткого для народной песни промежутка времени. Это удивительно, так как колонии находились на значительном расстоянии друг от друга (на Украине, на Волге, возле Невы, в Закавказье). Жирмунский объясняет это тем, что деревенские школьные учителя, а также семьи пасторов путешествовали из одной области в другую, юноши католического вероисповедания с юга учились на пасторов в Саратове, где они встречались с поволжскими немцами, крестьяне и голодающие беженцы с Волги также нередко приезжали в качестве наемных работников к состоятельным крестьянам в причерноморские колонии. Среди прочих причин быстрого распространения народной песни ученый называет также совместную военную службу в Закавказье и на турецких фронтах.

В начале 1930-х годов в связи с ухудшением внутривосточной ситуации в стране Жирмунский вынужден был прекратить успешно начатую работу. Последовавшие за этим аресты самого ученого и его

⁴⁹ Schirmunski V. M. Das kolonistische Lied in Russland (1927/28) / Hrsg. C. J. Hutterer. München, 1992. S. 273–309.

⁵⁰ Там же. С. 277.

коллег сделали невозможной дальнейшую исследовательскую деятельность в немецких колониях России.

Помимо упомянутых выше ученых в конце 1920-х годов этнографию немецких колоний исследовал также Евгений Георгиевич Кагаров, результаты работы которого нашли отражение в статье 1929 года⁵¹. Кагаров и его аспирант Петр Гергардович Пеннер, проходивший в рамках аспирантуры обучение по грамматике и диалектологии немецкого языка у В. М. Жирмунского, проводили исследования в немецких колониях Республики немцев Поволжья, на Алтае и Кавказе. Работа была прекращена в 1936 году в связи с арестом Пеннера, расстрелянного в 1937 году. Материалы экспедиционной работы исследователей сохранились в личном архиве Е. Г. Кагарова, умершего от голода в Ленинграде в 1942 году. И. В. Черказьянова приводит данные о том, что помимо этнографических исследований Пеннер записал также 200 песен в обследованных колониях, однако данные материалы пока не обнаружены⁵².

Экспедиции в немецкие колонии Поволжья продолжались, по сведениям И. П. Виндгольца, вплоть до 1940 года: в 1935 году записи делались в деревнях Мариенталь и Герцог (40 текстов песен); в 1937-м — в дер. Паульское (39 песен), Унтервальден (51), Кукуз (42) и Добринка (35). Экспедицию, состоявшуюся в 1939 году в р-н Добринки, участник работы Виктор Клейн описывал следующим образом: «В селе Хильдман нашей экспедиции был организован небывало торжественный прием. Вечером перед читальным залом собралось около 50 местных жителей, которые прекрасно исполнили лучшие свои песни. Мы восприняли импровизированный концерт как приветствие. Исполнители зазывали нас к себе домой, мы приглашали певцов для записи в читальный зал. Они напевали песни, композитор Готфрид Шмидер тут же фиксировал мелодии, я одновременно скрупулезно записывал тесты песен»⁵³. Последняя экспедиция

⁵¹ Кагаров Е. Г. Материалы по этнографии немцев Поволжья // Доклады АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. № 13. С. 283–286; № 14. С. 262–269.

⁵² Черказьянова И. В. Историко-этнографическое исследование советских немцев в Академии наук СССР в 1920–1930 годы // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук. СПб., 2013. С. 494–500.

⁵³ Виндголец И. П. Предисловие к повторному изданию // Народные песни немцев Поволжья с мелодиями и рисунками... С. 5–8.

с целью собирания песен послереволюционного периода, в ходе которой было записано 90 песен, состоялась, судя по данным И. П. Виндгольца, в 1940 году. Она проходила под руководством Андреаса Закса при участии Виктора Клейна и художественного руководителя ансамбля песни и пляски АССР Немцев Поволжья, композитора Готфрида Шмидера.

Важной вехой в истории исследования немецких народных песен стала в этот период диссертация Семена Максимова «Народная музыкальная культура немцев Поволжья», защищенная в 1939 году в Московской консерватории и явившаяся результатом более чем десятилетней работы с источниками⁵⁴. Диссертация состоит из двух частей, посвященных народной песне и инструментальной музыке⁵⁵.

Максимов, как и его предшественники, отмечает своеобразие немецкой народной песни и манеры ее исполнения в России, а также особенности инструментальной музыки. Своим наиболее важным наблюдением автор, открывший новые черты растянутого орнаментированного пения, считал невероятную свободу певцов в обращении с мелодией и текстом. При этом Максимов отметил, что певцы могли петь как просто, так и с украшениями мелодии, в зависимости от ситуации. Это наблюдение подтверждается более поздними исследованиями И. П. Виндгольца, который отмечает, что тот факт, поет ли певец «просто» или «украшенно», зависит от его хорошего или плохого настроения, положительного или отрицательного отношения слушателей к его исполнению, состояния его голоса и от многих подобных условий⁵⁶. Продолжая заочную полемику Жирмунского с Шюнеманном, Максимов пишет, что последний приписывает исполнительской манере российских немцев то, что могло бы быть свойственно ей и без какого-либо постороннего влияния⁵⁷. Диссертация Максимова явилась последней крупной фольклористической работой данного периода,

⁵⁴ Максимов С. Е. Инструментальная музыка немцев Поволжья // Советская музыка. 1923. № 1. С. 73–84.

⁵⁵ Максимов С. Е. Народная музыкальная культура немцев Поволжья : дис. ... канд. искусствоведения. М., 1939.

⁵⁶ Виндгольц И. П. *Schwindendes Erbe (Mündliche Überlieferung der Russlanddeutschen)* // Немцы России. Песня. Музыка. Обряд. Саратов, 2011. С. 35.

⁵⁷ Максимов С. Е. Народная музыкальная культура... С. 94.

написанной в России на материале немецкого устного и музыкального народного творчества.

Зарубежные исследователи также обратились к изучению фольклора немцев, выехавших из России в до- и послереволюционный период. Большое значение приобрели в это время работы, изданные в Южной и Северной Америке.

С 1917 по 1923 годы пастор С. Лихиус составлял собрание из 733 духовных песнопений российских немцев католического вероисповедания, поселившихся в Южной Америке. Работа была издана в 1934 году под названием «Сборник уопительных духовных песнопений, обогащенный рядом других песен»⁵⁸.

В 1929 году увидело свет «Собрание немецких народных песен российских немцев в Америке, в северо-западной части Соединенных Штатов и Канаде», собранных и изданных Джоном Бренделем⁵⁹.

В 1937 году Народный союз российских немцев в Аргентине издал ряд текстов народных песен «Песни российских немцев из колонии Санта Тереза», известных также как «Песенник российских немцев»⁶⁰. Издатель Томас Копп был убежден в важности сохранения народной песни и в ее основополагающей роли в формировании национальной культуры. В предисловии он подчеркивал, что «с каждым, кто умирает, умирают и несколько песен»⁶¹ и призывал к всестороннему собиранию и сохранению народного культурного богатства. Книга была переиздана в 1993 году известным фольклористом-музыковедом, исследователем немецкой островной песенной культуры, реэмигрировавшим в Германию из Румынии, Готфридом Хабенихтом, дополнена историческими данными и фотографиями, биографическими сведениями о Т. Коппе, а также — расширенной библиографией⁶².

⁵⁸ *Lichius S.* Gesangbuch der geistlichen Halszierde: vermehrt mit einer Reihe von anderen Liedern. Gesellschaft des Göttlichen Wortes, Steyl. 1924.

⁵⁹ *Sammlung deutscher Volkslieder der Russlanddeutschen in Amerika, im nordwestlichen Teil der Vereinigten Staaten und Canada.* Einl. John Brendel. B. 1. Bismarck, N. D. 1929.

⁶⁰ *Kopp Th.* Russlanddeutsche Lieder aus der Kolonie Santa Theresa (Russlanddeutsches Liederbuch) / Hrsg. Dt. Volksbund für Argentinien. Auswahl und Zusammenstellung. Buenos Aires, 1937.

⁶¹ Указ. соч. С. 3.

⁶² *Habenicht G.* Wolgadeutsche Lieder aus Argentinien. Die Aufzeichnungen Thomas Kopps in der Kolonie Santa Teresa. Freiburg, 1993; См. также: *Bertleff I., John E.* Vexierbilder

В статье 1939 года «Volksdeutsche Lieder aus Argentinien» известный музыковед Мариус Шнайдер⁶³, работы которого вызвали в свое время активную дискуссию в этномузыкологии и не только⁶⁴, исследовал встречающиеся формы многоголосия в исполнении немецких народных песен и подтвердил выводы своих предшественников об особой манере исполнения, свойственной немецким колонистам, переселившимся из России, установив, что российские немцы в Аргентине сохранили более старые формы многоголосия, свойственного немецкому народному пению, формы, давно уже утерянные на исконной родине немцев, в Германии.

Второй предвоенный период изучения народной музыки российских немцев характеризуется активной собирательской и исследовательской деятельностью. За рубежом в предвоенный период продолжалась собирательская деятельность в отношении немецкого островного фольклора, в основном — среди немцев, выехавших из России в страны Америки. В России за пару десятилетий были собраны обширные коллекции немецкого фольклора, до сих пор представляющие собой богатое поле для исследований различного рода, в том числе с точки зрения этномузыкологии. Было положено начало изучению собранного материала, к сожалению не получившее своего продолжения в силу ухудшения внутривосточной ситуации, репрессий в отношении лиц, имевших отношение к немецкой культуре, языку и национальности. В 1930 году за «германскую пропаганду» были арестованы и сосланы Георг Дингес, Петер Зиннер, Иоганнес Эрбес, все умерли в местах заключения. В этом же году после продолжительной травли и вызовов в НКВД покончил жизнь самоубийством Пауль Рау. В 1933 году арестованы Герман Бахман и В. М. Жирмунский, Бахман сослан в Карелию на 2 года, Жирмунский освобожден. В 1934 году осужден и сослан на 5 лет Альфред Штрём, умерший в ссылке. В 1935 году повторно арестован, затем освобожден

der Erinnerung. Lieder der russlanddeutschen Brasilienauswanderung // Jahrbuch für deutsche und osteuropäische Volkskunde. B. 54. 2013. S. 66–85.

⁶³ *Schneider M.* Volksdeutsche Lieder aus Argentinien // Archiv für Musikforschung, Bd. 4. 1939. S. 190–201.

⁶⁴ *Zimmermann W.* Tonart ohne Ethos. Der Musikforscher Marius Schneider. Verlag: Steiner (Franz), 2003.

В. М. Жирмунский. В 1936 году арестован и сослан Петр Пеннер, повторно арестован и расстрелян в 1937 году. В 1938 году арестована и вскоре расстреляна Эллинон Иоганнсон. В 1941 году в третий раз арестован и затем освобожден Жирмунский. После депортации российских немцев в Казахстан и Сибирь были на долгое время прекращены исследования языка и культуры немецкого населения, активно возобновившиеся лишь почти через полстолетия, после реабилитации российских немцев в 1989 году.

1. ICH STAND AUF HOHEN BERGEN

Первая песня, которую представляет данный сборник, каталогизируется в архиве В. М. Жирмунского по первой строке: «Ich stand auf hohen Bergen»/«Ich stand auf hohem Berge» («Я стоял на высоких горах» / «Я стоял на высокой горе»). Это старинная немецкая народная баллада, более известная как «Graf und Nonne» («Граф и монахиня», а также «Die Nonne» («Монахиня») или «Drei Grafen» («Три графа»). Она является одной из наиболее распространенных в немецких землях баллад, зафиксирована в более чем 2000 вариантах, которые исполняются на различные типы мелодий. Песня повествует о встрече двух молодых людей и их несчастной любви, пострадавшей из-за сословных различий, о трагическом расставании молодого графа и юной девушки. Эпические формулы баллады выстроены в драматическом стиле. Всю песню можно разделить на три эпизода или сцены.

В первой сцене дворянин пытается заинтересовать свою избранницу, предлагает ей вино, в некоторых версиях дарит кольцо (которое может символизировать помолвку, хотя прямых упоминаний об этом нет). Девушка отказывается стать невестой графа из-за сословных различий и своей бедности и предпочитает уйти в монастырь.

В следующей сцене участвует уже только граф, иногда его друзья. Юношу одолевают тяжелые мысли, ему снится дурной сон. Проснувшись в полночь, граф велит седлать коней.

Действие последней сцены баллады происходит у стен монастыря. Граф стучит в двери и видит свою возлюбленную, которая либо уже стала монахиней, либо только готовится к постригу. В различных вариантах данной песни встречаются упоминания о монашеском одеянии и/или обрешенных волосах. Сердце юноши разбито. Его реакции могут быть различными в большом многообразии вариантов данной песни — он плачет,

прислонившись к монастырской стене, безумствует, грозитя поджечь монастырь. В этой сцене баллада подходит к своей трагической развязке. В большинстве вариантов граф погибает от рук возлюбленной. Смерть он принимает в различных исполнительских версиях разным способом — девушка угощает его отравленным напитком / он кончает жизнь самоубийством, после того, как она возвращает ему его кольцо или дает свое на прощание / монахиня хоронит своего несостоявшегося жениха. В некоторых вариантах граф сам убивает монахиню.

Несмотря на драматичность сюжета, наиболее важным является в балладе не разворачивающееся действие, а тема. Действие народной песни, как правило, заранее известно песенному коллективу, традиционно и узнаваемо. Темой данной баллады является сословное неравенство. Именно оно делает невозможным счастье главных героев песни. При этом социальные различия представляются чем-то совершенно естественным, заранее заданным, непреодолимым. Народная песня, как продукт коллективного творчества и носитель коллективного знания, передает от поколения к поколению традиции, жизненный уклад, восприятие миропорядка, отношение к социальным темам. Сословное неравенство является в песне социальной нормой, пропасть между условиями — непреодолимой. Уход девушки в монастырь представляется в данном контексте достойным решением и правильным ответом на провокационную ситуацию, угрожающую сложившемуся миропорядку. Поэтому, когда граф хочет помешать выполнению этого замысла и забрать ее из монастыря, единственно возможным решением видится смерть (девушки или графа). Мотив смерти как следствия попытки нарушить сословные ограничения прослеживается во всех вариантах баллады, даже в тех, где возлюбленные вместе бегут из монастыря.

Авторство текста и музыки этой баллады неизвестно. Песня пелась в немецких землях с 1544 года, а в Нидерландах ее знали уже в XV веке. В сборниках немецких народных песен Эрка¹, Эрка и Бёме², Дитфурта³,

¹ *Erk L.* Deutscher Liederhort. Berlin, 1856. Nr. 18a-e.

² *Erk L., Böhme F. M.* Deutsches Liederheft. Auswahl der vorzüglichsten deutschen Volkslieder aus der Vorzeit und der Gegenwart mit ihren eigentümlichsten Melodien. Bd. 1. Berlin, 1856. Nr. 89d.

³ *Ditfurth F. W. von.* Fränkische Volkslieder: mit ihren zweistimmigen Weisen, wie sie vom Volke gesungen werden. Leipzig, 1855. Breitkopf und Härtel. Nr. 18–20. S. 16–20.

Вольфрама⁴ зафиксированы ранние немецкие варианты. В 1771 году И. В. фон Гете записал один из вариантов данной баллады в Эльзасе по Веймарской рукописи (Weimarer Handschrift, переизданной Германом Штробахом⁵, где песня была записана сплошным текстом без разделения на строфы.

В «Архиве немецкой народной песни» В. М. Жирмунского баллада о графе и монахине представлена в нескольких вариантах, записанных в различных регионах проживания российских немцев. В колониях под Ленинградом было зафиксировано 14 вариантов. Среди них есть записи из колоний Янино (три вар.), Новопетергоф, Каменка-Волково («Drei Grafen»), Кронштадт, Новосаратовка (два вар.), Порхов, Луцк, Ной-Луцк, Франкфурт⁶.

В нотной картотеке, хранящейся в Фонограммархиве ИРЛИ, представлены 4 карточки с вариантами мелодии данной баллады, записанными в колониях под Ленинградом:

— *Ich stand auf hohen Bergen*. Kol. Frankfurt. R-on Kingisepp, Kath. Hessel, 18.04.1928. I, Nr. 4b;

— *Ich stand auf einem hohen Berg*. Kol. Neu-Lutzk, Kreis Kingisepp, Alexander Nerenz, April 1928. LII, Nr. 43c;

— *Ich stand auf hohen Bergen*. A3/24. Kol. Nikolajewskaja, Kreis Novgorod⁷, Elisabeth Baes (15 J.), L III Nr. 27a;

— *Ich stand auf hohem Bergen*⁸. Kol. Alexandrowskaja, Rayon Nowgorod, Dororthee Erhardt, ca. 50 Jahre, 1930. III, Nr. 4b.

Кроме того, ноты к песням из архива Жирмунского хранятся также в деле № 379 первой описи архива 1001 в СПФ АРАН. Они отчасти

⁴ *Wolfram E.H.* Nassauische Volkslieder. Nach Wort und aus dem Munde des Volkes gesammelt. Berlin, 1894. 17b.

⁵ *Goethe J. W.* von. Volkslieder. Wiedergabe der Weimarer Handschrift mit Transkription und Erläuterungen / Hrsg. von Hermann Strobach. Weimar (1950), 1982.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 340. Л. 16а/б, 19, 48, 96–101, 265, 276, 291, 292.

⁷ Немецкие поселения под Новгородом относятся в архиве В. М. Жирмунского также к группе Ленинградских колоний.

⁸ В текстах песен здесь и далее подчеркиваются проверенные по текстам в архиве варианты лексем и словоупотреблений, не совпадающие с нормой. В некоторых случаях это признак диалектного употребления, иногда — устаревшее слово или форма слова, иногда — ошибка, которая может возникать по разным причинам, в том числе из-за неуверенности в употреблении языка.

повторяют, но иногда и дополняют нотную картотеку Фонограммархива. Так, здесь находятся также ноты баллады о графе и монахине, записанные в других регионах компактного проживания немецкого населения:

– Л. 10: Kol. Bergdorf, Mold. Rep., Pauline Huwer, 17 J. alt, August 1930;

– Л. 14: Kol. Bergdorf, Mold. Rep., Rosine Zarn (22 J. a.), August 1930.

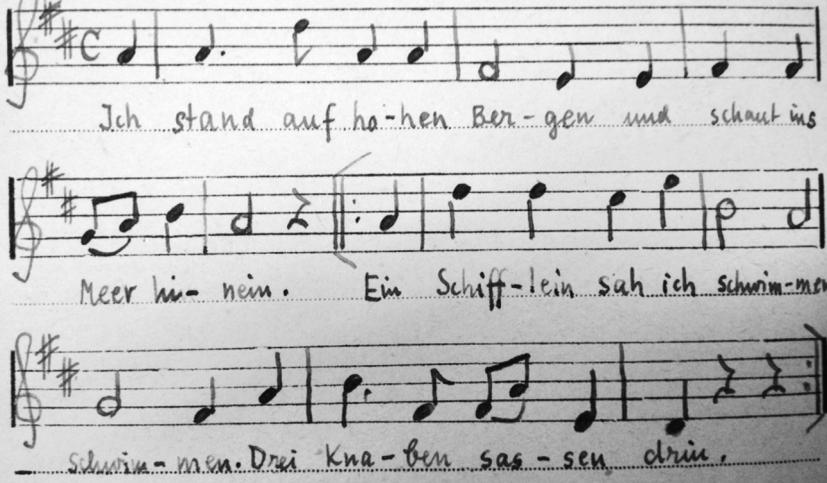
В данном сборнике представлен один из вариантов, записанных под Ленинградом. Это баллада с начальными строками «*Ich stand auf hohen Bergen*». Ноты записаны в колонии Франкфурт от Катарины Гессель 18 апреля 1928 года. Текст от Кристины Гессель, 1881 года рожд., зафиксировала в этой же колонии весной того же года Эллинон Йоганнсон.

Ich stand auf hohen Bergen

1. Ich stand auf hohen Bergen
Und schaut ins Meer hinein.
Ein Schifflein sah ich schwimmen,
Drei Knaben saßen drin.
2. Der eine von den Knaben
Das war ein Grafessohn
Der hat mir die Ehe versprochen,
So jung als er noch war.
3. Ach du schöne und du feine,
Meine wirst ja du wohl nicht,
Wär es du ein etwas reicher,
Oder wärst von Adelsstand.
4. Und wenn ich auch nicht reicher bin
Alle Ehre bin ich voll,
Ins Kloster will ich ziehen,
Will werden eine Nonn.

⁹ Фонограммархив ИРЛИ. Фонд акад. В. М. Жирмунского. Нотная картотека. АЗ № 6 (L). *Ich stand auf hohen Bergen*. Kol. Frankfurt. R-on Kingisepp, Kath. Hessel, 18.04.1928. L I. Nr. 4b. Перезапись на цифровые носители в рамках совместного проекта с Фрайбургским архивом немецкой народной песни: ДЛ 503.02; CD 1. Track 8. Zeit 0'44. Qualität – schlecht.

10 $\text{♩} = 108$ „Ich stand auf hohen Bergen“ A3 Nobil

Ich stand auf ha-hen Ber-gen und schaut ins
Meer hi-nein. Ein Schiff-lein sah ich schwim-men,
schwim-men. Drei Kna-ben sas-sen drü-

Ноты баллады «Ich stand auf hohen Bergen»⁸

5. Was zog er aus seinem Fingerlein?
Einen Ring von reines Gold.
Nimm hin, du schöne, du feine,
Trag ihn nach meinem Tod.
6. Ei, das wär gelogen,
Das stimmte mir nicht an,
Besser will ich sagen,
Draus in dem grünen Gras.
7. Und kaum war es ein $\frac{3}{4}$ Jahr,
Da träumt es dem Grafessohn,
Als ob seine Herzliebste
In's Kloster gezogen wär.

8. Da sprach er zu seinem Ritterknecht
«Sattle mir und dir ein Pferd,
Sattle mir und dir ein Pferdchen,
Das Mädchen ist es wert.»
9. Und als sie an das Klostertor kamen,
Da war es finster Nacht.
«Komm raus, du Schöne, du Feine,
Komm nur ein Weilchen raus.»
10. «Was soll ich bei dir draußen
Jetzt in der finstern Nacht?
Mein Haar ist mir geschoren,
Als Nonne bin ich bereit.»
11. Da frug er von ihr zu trinken
Aus ihrem Becherlein,
Sie gab ihm auch zu trinken
Aus ihrem Becherlein.
12. Und als er das Weinwasser getrunken hat,
So brach dem Graf das Herz.
So geht es alle junge Grafen,
Sie trachten nach Geld und Gut,
Sie hätten alle schöne Weiber,
Sind aber nicht reich genug¹⁰.

Christine Hessel, geb. 1881, Frankfurt.
E. Johannson.
Frühling 1928

¹⁰ Ф. 1001. Оп. 1. Д. 340 (Жирмунский Виктор Максимович. Народные песни немецких колонистов Ленинградской области и Ямбурга (Кингисепп). В записи В. М. Жирмунского на нем. яз. Машинопись. 1924–1928. 307 л.). Л. 292–292 об.

Стою на высоком утесе

(Авторизованный перевод с немецкого Н. П. Уральской (Краубнер))

Стою на высоком утесе,
Где волны о камни бьют.
Скользит по волнам кораблик,
На нем два графа плывут.

Тот самый, что помоложе,
Что молча сидит на корме,
Однажды бокал наполнил
И с лаской подал его мне.

Снял с пальца кольцо золотое
И мне протянул его:
Возьми, дорогая, на память,
Носи, береги его.

На что мне твой подарок?
Я слишком молода,
И так бедна при этом —
Ни денег нет, ни добра.

Пусть ты бедна, дорогая,
Ни денег и ни добра,
Но ты не забудешь вовеки
Любовь, что меж нами была.

Твою любовь я забуду,
Она больше мне не нужна.
Теперь в монастырь уйду я,
Монахиней стать я должна.

2. IN DEM DUNKLEN GRASCHDANKER WALD

Следующая песня, также баллада о трагически сложившейся любви, относится к группе так называемых колонистских песен. Это песни, возникшие уже на месте нового поселения немцев, в России. В каталоге В. М. Жирмунского данная группа песен указывается под литерой М. Эти песни впитали в себя новый исторический, культурный и бытовой пласт жизни немецкого населения в России. Группа «колонистских песен» представлена разными жанрами, включает 77 типов, многие из которых даются в нескольких вариантах, всего 189 текстов. Тематика песен этой группы достаточно многообразна — это песни о трагических событиях, смертях и самоубийствах (которые можно сравнить с немецкими *Moritaten*), о смешных событиях колонистской жизни, четверостишия, песни об истории колонизации в России, военные песни разных периодов — от русско-турецкой до Первой мировой войны и революции. Песни этой группы были записаны участниками экспедиций Жирмунского в разных колониях и областях компактного проживания немцев: на Украине, в Ленинградской области, в Закавказье и на Волге. Под Ленинградом записано 58 вариантов различных песен, из них в ленинградских колониях — 40 песен, под Новгородом — 16, под Кингисеппом — две (включая непронумерованные записи)¹. Колонистские песни пелись как на новые, так и на известные немецкие или русские мелодии. Наиболее популярной была мелодия русской песни «Стенька Разин», которая была переведена на немецкий язык и исполнялась среди прочих колонистских песен. Но на эту мелодию пелись

¹ Подробнее о данной группе песен см.: Пузейкина Л. Н. Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история — язык — песни. СПб. : Нестор-История, 2013.

также и другие песни из группы колониистских, не связанные с текстом «Стеньки Разина», но имевшие грустное или трагическое содержание. Солдатские песни также часто пелись на русские мелодии: *Посидел бы я в окопах* (М 6b № 4), *Дело было под Полтавой* (М 7). Несколько раз в коллекции Жирмунского встречается указание на мелодию *Как у наших у ворот*, на которую исполнялись песни разных типов. Два раза упоминаются мелодии немецких песен *Alle Menschen müssen sterben*, на которую поется песня *Welch ein Schrecken war's im Jahre // Neunzehnhundertvierzehn doch* (М 10 № 1), и *Steh ich in finstrer Mitternacht* в песне *Das Manifest der Kaiserin* (М 3)².

Баллада из группы «колониистских песен», о которой пойдет речь, называется «В темном лесу на Гражданке» («*In dem dunklen Graschdanka Wald*» / «*Dort unten im Graschdanker Wald*»). Она рассказывает о двойном самоубийстве влюбленных друг в друга молодых людей, произошедшем в окрестностях Санкт-Петербурга. Гражданкой сегодня называют современный район от проспекта Непокоренных до Суздальского проспекта на севере. Ранее данный топоним относился к трем поселениям: Дорога в Гражданку, колония Гражданка (Немецкая Гражданка) и Русская Гражданка, которые располагались вдоль сегодняшнего Гражданского проспекта (ранее Гражданская дорога). Та Гражданка, о которой идет речь в песне, относится к исторической немецкой колонии Гражданка, которая располагалась на территории примерно от нынешней ул. Фаворского до ул. Гидротехников³.

Немецкая колония Гражданка была основана в период царствования Николая I, когда начало создаваться большинство «дочерних» колоний немецких колониистов или колоний-выселков, образовавшихся при переселении немцев из старых мест на новые, еще не освоенные территории. Данные изменения были связаны с тем, что в 1833 году Николай I ввел новые принципы управления колониями (ранее управление петербургским колониями определялось инструкцией 1803 года), что было обусловлено окончанием устройства иностранных колониистов и запретом на свободный въезд в пределы России. Император подтвердил 9 ноября 1838 года привилегии немцев-колониистов, а через четыре

² Подробнее об этой песне см. далее.

³ См.: Глезеров С. Е. Исторические районы Петербурга от А до Я. М., 2010. С. 73–82.

года, в 1842 году, осуществил кодификацию всех свобод, прав и обязанностей колонистов при получении российского гражданства. Данный шаг способствовал экономическому и социальному расцвету немецких поселений. Быстрый рост новых колоний основывался на принятой у колонистов подворно-наследственной форме землепользования, препятствовавшей проведению семейных разделов. В данный период немецким колонистам была предоставлена коммунальная автономия, то есть право избирать сельского и верховного старост, которые были подотчетны собранию села или района.

Инициатором образования некоторых «дочерних» колоний под Санкт-Петербургом явилось государство, при этом колонистам предоставлялись льготы и ссуды на обустройство хозяйством. Однако большинство «дочерних» колоний под Петербургом было основано самими колонистами на купленной или арендованной земле. Колонии-выселки разрастались постепенно, по мере приобретения колонистами из первоначальных колоний все новых земель. Гражданка стала первой значительной «дочерней» колонией, которая разрасталась постепенно на землях между Мурино и Лесным. Е. В. Бахмутская приводит следующие сведения, почерпнутые из архивных источников: «В 1827 г. братья Вализеры из Новосаратовки купили по 7,5 дес. земли, относившейся к Муринскому имению графа Воронцова. В 1830 г. к ним присоединились средне-рогатские и ижорские колонисты: Амань (приобрели участки в 19 и 10 дес.), Эйдемиллеры (7,5 и 7,5 дес.), Шеффер (15 дес.), Бауэр (15 дес.); еще 7,5 дес. присовокупил к своему участку А. Вализер. 15 дес. было куплено Фогельзангом⁴ из Новосаратовки из лежавших тут же владений помещицы Быковой. В 1836 г. выходцами из Новосаратовской и Средне-рогатской колоний были куплены 92 дес. земли у графа Воронцова, помещиков Беклешова и Пискарева. В 1857 г. колонист Бич из Средней Рогатки приобрел участок площадью 40 дес. у генерала Чижикова»⁵.

В основу песни легла реальная история, которая, вероятно, произошла в августе 1855 года в лесу вблизи колонии Гражданка и была широко известна в среде колонистов. Легенда, обросшая по мере

⁴ В Новосаратовке проживала семья Фогельгезанг. Здесь фамилия приводится в редакции цитируемого автора.

⁵ *Бахмутская Е. В.* Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760–1870-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. На правах рукописи. СПб., 2002. С. 105.

бытования в народной среде дополнительными подробностям, рассказывает историю любви двух молодых людей, которые столкнулись с неприятием своих чувств со стороны родителей и ближайшего окружения и не нашли другого выхода из сложившейся ситуации, кроме как добровольно уйти из жизни.

Традиционно героев этой печальной истории именуют Карл и Эмилия. Карл считается, как правило, слесарем, Эмилия — дочерью булочника. В наиболее распространенной версии это юные возлюбленные, которые добровольно ушли в мир иной, когда родители запретили им вступать в брак. Сначала Карл застрелил Эмилию, потом себя (в некоторых вариантах влюбленные выпили вместе яд или пронзили друг друга шпагами). По другой версии, влюбленные дожили до 50 лет, каждый год (каждые 10 лет) вновь и вновь испрашивали у родителей позволения на вступление в брак, но не получали его. В конце концов, получив очередной отказ, Карл и Эмилия утопились в Круглом пруду⁶. И даже мертвые, они все еще держались за руки.

Традиционно считалось, что впервые историей этой легенды стали заниматься в топонимическом кружке Лесного при местном Коммерческом училище. Приводились сведения, что в 1916 году Сергей Безбах, член этого кружка, разыскал местного колониста-сторожника, помнившего о том трагическом случае. От него он узнал, что тела молодых людей, в которых пули прошли сквозь сердца, нашли утром 4 августа 1855 года в Беклешовом лесу, вблизи торфяных болот по направлению к Парголово и Мурино. Приводились также имена молодых людей — Луи Брудерер и Эмилия Каретан⁷. Данные сведения уточнил филолог, журналист С. Е. Глезеров в статье «Давняя драма в Лесном. Новые сведения о знаменитой истории Карла и Эмилии»⁸

⁶ Возможно, что Круглый пруд находился на месте нынешнего перекрестка 2-го Муринского и Институтского проспектов и существовал до 60-х годов прошлого века.

⁷ Возможно, что на выбор мужского имени могла повлиять громкая история брака и последовавшего через месяц после этого развода Карла Павловича Брюллова и немки, дочери рижского губернатора Эмилии Тимм, произошедшая за несколько лет до описываемых событий. Что же касается фамилий Брудерер и Каретан, то среди семей, живших в немецкой колонии Гражданка, такие фамилии отсутствуют.

⁸ *Глезеров С. Е.* Давняя драма в Лесном. Новые сведения о знаменитой истории Карла и Эмилии // Санкт-Петербургские ведомости. Вып. 072. 20.04.2007. URL: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10242072@SV_Articles